

Речевая маска и речевое самозванство (заметки об идиоме и идиостиле)

Гусева А.А.

Аннотация: Статья посвящена проблеме речевого самозванства как сращения личности субъекта с «чужим» идиостилем. В этом случае «чужая» речь (и «чужая» идиоматика) является именем субъекта.

Ключевые слова: речевая маска, речевое самозванство, идиомы, идиостиль.

On speech masking and speech imposturing

Abstract: The article deals with a problem of imposture-in-words as an union subject's personality and «strange» discourse. In such a case this «strange» speech (and «strange» idioms) is a name of subject.

Keywords: speech masking, speech imposturing, idioms, discourse.

Эти размышления явились ответом на тему, затронутую выступавшими на вечере-презентации Международного фонда им. А.М. Пятигорского¹.

Тема самозванства волновала Пятигорского всю жизнь, скрыто присутствуя в его текстах – как, например, в повести «Философия одного переулка». Самозванство связано с речью, неизбежно выражается в языковой личности, перетекая из речевой маски в существо человека и порождая самозванство речевое. Самозванческие коды проигрываются в маршах паремий – поговорок, пословиц, крылатых выражений, речевых штампов - одной из интересных разновидностей которых является идиома, которую чаще всего относят к культурологической проблематике, в то время как идиома благодаря своей философской форме затрагивает и проблемы познания, мышления, антропологии.

Идиоматика держит речь. Речь держится идиоматикой. Идиоматика говорит с нами речью через языковую личность, натягивая речь между нами и языком и помогая обрести свой голос. А если голос – не наш? Тут возможны два варианта. Первый – это речевая маска, и голос не наш лишь «временно», и мы лукаво посматриваем сквозь прорези этой бархатной маски, пока остальные, приняв нашу маску за лицо, тянут нас в хоровод новогоднего праздника, куда, может, зная нас, и на порог не пустили бы. Второй – речевое самозванство, когда маску снять мы уже не можем, и, хотя и от

¹ См. об этом: Vox философский журнал. 2011. Вып. 11. Декабрь.

праздника остался лишь шорох конфетти и потускневших гирлянд, упрямо продолжаем кружиться в странном сомнамбулическом танце.

Речевая маска – это коммуникативная стратегия, направленная на достижение результата в диалоге. Говорящий, чтобы достичь понимания с собеседником и добиться от него нужной ему реакции, использует в своей речи определенные стилистические приемы, свойственные той или иной языковой личности. При этом он хорошо понимает границы своей и не-своей речи – в отличие от речевого самозванства, когда у говорящего только одна речь, которую он считает безусловно своей.

Анализируя эффект речевой маски, как и речевого самозванства, мы вступаем в поле идиоматического. Как правило, идиому (от греч. *idios* – собственный, обладающий неким свойством) относят к лексическим явлениям. Признаки идиомы – воспроизводимость, устойчивость и переосмысление компонентов – могут быть свойственны и другим уровням языковой системы, начиная от фонетики и заканчивая синтаксисом. Идиоматическими отношениями пронизана вся грамматика языка. Поэтому, анализируя в данной статье некоторые типы речевых масок начала XXI в., мы обращаемся к рассмотрению и фонетических, и лексических, и грамматических особенностей.

Внутренняя форма термина «идиома» указывает на замкнутость, закрытость того, что этим термином называется. Это словно бы отдельный мир со своими свойствами и законами. Идиому как цельную совокупность устойчивых переосмысленных компонентов можно и не заметить, а можно подвергнуть ее рефлексии, и тогда идиоматическая ситуация, постепенно разворачиваясь, своей силой заставить нас ее прожить. Более того, идиомы «свежие», еще поддающиеся анализу (фразеологические сочетания, по В.В. Виноградову), могут многое рассказать о языковой личности и о том мире, который выстраивается вокруг нее. В случае речевой маски – это мир-фантом. В случае самозванства – это действительность, в которой живет и которую познает человек.

Надевший речевую маску выбирает, инстинктивно или сознательно, идиомы, свойственные данному типу речевого поведения. Наша задача – проанализировать языковую личность, носящую одну из популярных масок начала XXI в. – маску т. н. «успешного менеджера», и понять, о чем говорит идиоматический слой этого типа речевого поведения, создать портрет, исходя из анализа речи. Понять, зачем нужен маскарад, – значит понять, каким представляется собеседник человеку в маске. В

конечном итоге, это значит понять, кто я в глазах другого и что я могу делать, находясь в его руках (речевая маска – это всегда немного манипуляция).

Речевое самозванство во многом похоже на самозванство историческое.

Феномен самозванства в нашем сознании прежде всего связан с присвоением себе «чужой личины», причем тот, от имени кого совершаются действия, обладает некой, сакральной, политической или другой, силой. Эта сила, исходящая от настоящего лица, дает силу самозванцу называть себя иным именем. История знает и лже-правителей (лже-Нероны, Лжедмитрии), и лже-философов, точнее, тексты, им атрибутируемые (псевдо-Аристотель, псевдо-Дионисий Ареопагит), и лже-лингвистов (так, известен Дж. Салманазар, гениальный мистификатор XVIII в., написавший грамматику никогда не существовавшего формозского языка и представлявшийся уроженцем острова Формозы).

В Толковом словаре под ред. Д.Н. Ушакова самозванство определяется как «самовольное, незаконное присвоение чужого имени, звания с целью обмана»². Однако обман, конечно, это не цель самозванства, а скорее, его фон, которому сам самозванец значения не придает. Далек не все самозванцы считали себя обманщиками – настоящий самозванец всегда чувствовал себя честным. Цель исторического самозванства – возможность действовать, а для того, чтобы действовать, совершать поступки, необходимо имя. В основании самозванства всегда лежит присвоение не только имени, но и поведения, в том числе, как правило, и речевого. Ведь субъект, имя которого присваивают (то есть объект самозванства), обладает не только этим именем, но и собственным голосом, речью, с множеством характерных особенностей, что составляет идиом, или идиостиль³.

Подделка речи – этот самый идиом, который для самозванца и его круга является свидетельством силы и тем представляет собой имя, – крайне непросто. Например, Емельян Пугачев речь не подделывал (об этом мы можем судить, конечно, не по «Капитанской дочке», а по документам, хранившимся в Государственном архиве, которыми пользовался и Пушкин при написании «Истории Пугачева»⁴). Сила, взятая через имя, давала возможность для дальнейшего именованья – ситуация самозванства, самоназыванья развивается, захватывая всё большее количество объектов (чтобы

² Большой толковый словарь русского языка / Под. ред. Д.Н. Ушакова. М., 2004. С. 957.

³ Исследования идиостиля см. работы В.В. Виноградова и Ю.Н. Караулова.

⁴ Согласно показаниям «жены Пугачева Софьи Дмитриевой, в том виде, как они были представлены в Военную коллегию, ... речь и разговоры муж ее имел по обыкновению казацкому, а иностранного языка никакого не знал» (Пушкин А.С. История Пугачёва).

давать имена, нужна сила, она теперь есть, поэтому возможно именование-переименование). «В числе главных мятежников отличался Зарубин (он же и Чика), с самого начала бунта сподвижник и пестун Пугачева. Он именовался фельдмаршалом, и был первым по самозванце. Овчинников, Шигаев, Лысов и Чумаков предводительствовали войском. Все они назывались именами вельмож, окружавших в то время престол Екатерины: Чика графом Чернышевым, Шагаев графом Воронцовым, Овчинников графом Паниным, Чумаков графом Орловым». «Кажется, Пугачев и его сообщники не полагали важности в этой пародии. Они в шутку называли также Бердскую слободу - Москвою, деревню Каргале - Петербургом, а Сакмарской городок – Киевом».

Речь вообще не рефлексировалась участниками Пугачевского движения как неотъемлемая черта личности. Важно было только имя и доказательство права на это имя. Таким доказательством были тайные «царские знаки». В статье «Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен» Б.А. Успенский описывает, как Пугачев, пойдя в баню, показывал казакам следы от ран, и они, рассмотрев их и приняв за «царские знаки», говорили: «Вот теперь верим и за государя тебя признаем»⁵. По словам Б.А. Успенского, «представление о божественном предназначении подлинного царя, об отмеченности его Божиим избранием со всей отчетливостью проявляется в исключительно устойчивом представлении об особых “царских знаках” - обыкновенно это крест, орел (т. е. царский герб) или солярные знаки, - будто бы имеющихся на теле царя и свидетельствующих о его избранности. Это поверье играло важную роль в мифологии самозванчества: согласно многочисленным историческим и фольклорным источникам, именно с помощью “царских знаков” самые разные самозванцы - например, Лжедмитрий, Тимофей Акундинов, Емельян Пугачев и другие - доказывали свое царское происхождение и свое право на царский престол, и именно наличие каких-то знаков на их теле заставляло окружающих верить им и поддерживать их»⁶.

«Царские» знаки давали силу жить и действовать под чужим именем, которое переходило к новому обладателю. Субъект присваивает себе имя силой самого этого имени. Надо ли говорить, что у истинного обладателя имени никаких царских знаков в

⁵ Успенский Б.А. Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 157. А.С. Пушкин в «Истории Пугачева» отмечает, что «на левом виску имел он белое пятно, а на обеих грудях знаки, оставшиеся после болезни, называемой черною немочью».

⁶ Успенский Б.А. С. 156.

такой интерпретации не было – они ему не нужны. В этом и проявляется самозванство, «тайные знаки» претендовали на то, чтобы быть доказательством, свидетельством истины и - логической связкой (есть, как, как будто, словно). Этот казак есть государь Петр Федорович. Если это правда («есть»), то должно быть основание – вот они, шрамы в форме креста. (Значит, «есть».) Если нет – («не есть»), то это потому, что шрамов нет. Наличие или отсутствие шрамов – знаков таким образом приравнивается к связке. Представим себе предложение: Пугачев-субъект («царские знаки» как связка) Петр III - объект. В случае с текстом (например, если речь идет о философе) роль «тайных знаков» чаще всего играет стиль или проблематика. Но формула самозванства - конструкция «субъект (самозванец) – «тайные знаки»=связка – подлинный субъект (предикат, объект)» - сохраняется.

Рассмотрим теперь явление речевого самозванства. Мы будем называть этим термином присвоение субъектом не собственно имени, а типа языковой личности, сращение с ним. Термин «языковая личность», введенный В.В. Виноградовым, обозначает носителя языка, который может быть «охарактеризован на основе анализа сделанных им текстов с точки зрения применения в этих текстах системных средств этого языка, чтобы представить его видение окружающей действительности и возможно для достижения каких-то целей»⁷.

Ю.Н. Караулов выделяет три уровня рассмотрения языковой личности – вербально-семантический, когнитивный, мотивационный. Мотивационный наиболее важен при анализе речевого самозванства, он раскрывает, почему были использованы именно эти слова, какую мысль автор хочет выразить и передать в тексте, какое отношение к действительности скрывается за этими конструкциями. Мировоззрение Ю.Н. Караулов определяет как «результат взаимодействия системы ценностей личности, или “картины мира”, с ее жизненными целями, поведенческими мотивами и установками, проявляющийся... в порождаемых ею текстах»⁸.

В последние десятилетия широко распространился речевой тип «успешного менеджера», навязываемый средствами массовой информации и широко транслируемый в определенных кругах. Образ «успешного менеджера» в целом репрезентируется как положительный, притягательный для большей части носителей языка. Именно в силу его притягательности попадающие в эту сферу молодые люди

⁷ Виноградов В.В. О языке художественной прозы // Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 97.

⁸ www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/языковая_личность

неизбежно и с удовольствием примеряют на себя данную речевую маску – в ней удобнее *вести переговоры*, обсуждать *проблемы руководства с коллегами* в курилке, да и вообще, эта маска дает ощущение *реального* комфорта и защищенности. Пока такое речевое поведение относится к области коммуникативных стратегий, не вытесняя истинную языковую личность, а только взаимодействуя с ней, оно не может оказывать разрушительного влияния на носителя речевой маски – субъект сохраняет свою идентификацию и всегда в силах, сняв маску, показать свое истинное «речевое лицо»⁹.

Любая речевая маска, если она остается маской, служит определенным, прогнозируемым целям и приводит к определенным коммуникативным результатам. Для этого надевший маску должен иметь четкие представления о ее действии и сохранять дистанцию между собой, своей личностью, и маской. Если этого не происходит, и надевший маскарадный костюм на новогоднюю вечеринку всерьез ощущает себя, скажем, местным Ричардом Львиное Сердце в рамках *корпоратива*, то он может вызвать в лучшем случае усмешки и глумление подвыпивших *коллег*, а в худшем начинает жить, познавать и действовать в мире не от своего лица. Так он, в общем-то, нечаянно, становится речевым самозванцем. Если маску надевают намеренно, с известной (коммуникативной) целью, то речевой самозванец становится таковым именно нечаянно и незаметно, копируя манеру поведения носителя маски, не решая никаких стратегических задач, а просто утрачивая по собственной лени способность рефлексировать свое речевое поведение. Теперь он, оказавшись затянут в этот круг, вынужден непрестанно доказывать свое новое лицо – в данном случае лицо т. н. «успешного менеджера». (Свое собственное лицо при этом оказывается преданным.)

Речевое самозванство, в сравнении с самозванством обыкновенным, имеет интересную особенность. Показывая речь как «царский знак», самозванец одновременно именуется этой речью. Речь – это и доказательство его новой

⁹ Иногда, правда, очередную речевую маску стягивают без всякого согласия, и тогда субъект предстает во всей своей неприглядной сути. Часто, чтобы лишить речевого субъекта последнего прибежища, прибегают к пародированию (ехидной примерке) его речевых костюмов: «Здоровеньки булы, пане добродзю, - сказал Мышлаевский ядовитым шепотом и расставил ноги. Шервинский, густо-красный, косил глазом. Черный костюм сидел на нем безукоризненно; белье чудное и галстук бабочкой; на ногах лакированные ботинки. “Артист оперной студии Крамского”. Удостоверение в кармане. - Чому ж це вы без погон?.. - продолжал Мышлаевский. – “На Владимирской развеваются русские флаги... Две дивизии сенегалов в одесском порту и сербские квартиры... Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте части”... за ноги вашу мамашу!..» Надо сказать, роман М.А. Булгакова «Белая гвардия» - блестящая россыпь речевых масок, в основном связанных с языковой и политической ситуацией на Украине в 1918 г.

сущности, и его имя. (Ведь мы говорим о языковой личности.) По словам Г.Л. Тульчинского, автора книг «Испытание именем, или Свобода и самозванство» и «Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы», «...имя, как «твердый десигнатор», фиксирует выделенность некоей сущности, ее представленность в различных системах описания и модальностях, выражая ее существование»¹⁰, и здесь таким десигнатором служит не имя, а речь.

Замечу, что рассматриваемый здесь созданный и навязанный с помощью СМИ тип личности – тоже своего рода «множественный» самозванец. Он обладает своим узнаваемым и даже престижным идиостилем, со всеми фонетическими, лексическими особенностями, способом построения фраз и т.п. Что же это за идиостиль? Попробуем проанализировать его и представить себе, какие цели преследует языковая личность, выбравшая его в качестве своего нового лица.

Если говорить об интонации, то это повышение тона в конце предложения, по которому можно судить, например, не столько о количестве просмотренных англоязычных фильмов, сколько о степени незащищенности субъекта и нежелании нести ответственность за сказанное – ведь если фраза интонационно не завершена, то есть не отмечена понижением тона в случае повествовательного предложения, то у нас нет оснований выносить суждение относительно услышанного, ведь дальше может последовать нечто, что перевернет наши представления о содержании; слушателя призывают тем самым не анализировать фразу, а просто – выслушать. И тут же забыть, чтобы не анализировать и не выносить неприятных для говорящего суждений.

Еще один нюанс – если есть недоговоренность, то ее всегда можно интерпретировать как ситуацию «разговора двух посвященных» (вспомним комический диалог из фильма «Бриллиантовая рука»: «А если?..» - «Не надо». «А вот это?» - «А вот это попробуйте...»), что должно, безусловно, льстить вниманию слушателя и, опять же, оберегать речь самозванца (на всякий случай) от критического восприятия. Это одновременно и защита, и нападение – в зависимости то того, с кем ведется диалог. Конечно, недоговоренность может возникнуть и при мгновенной смене познавательной позиции говорящего, но этот случай мы сейчас не берем.

Особенность артикуляции – говорение без напряжения мышц, когда при произнесении гласных направление движения языка едва выходит за пределы среднего

¹⁰ Тульчинский Г.Л. Самозванство, массовая культура и новая антропология: перспективы постчеловечности ([hpsy.ru/public/x3151.htm](https://public.ru/public/x3151.htm)).

ряда, среднего подъема, сохраняется нейтральная огубленность, а взрывные согласные неминуемо несут в себе признак фрикативности (например, в речи некоторых дикторов звук [б] похож на [м] – конечно, это не дифференциальный признак, поэтому мы прекрасно можем адаптироваться к такой телеречи, но адаптироваться все же приходится), что в целом создает ощущение одновременно закрытости звука (еще один способ защиты субъекта, в случае если он будет неправильно понят, своего рода артикуляционный вариант «как бы» или «типа») и небрежности речи (это, конечно, должно говорить о силе и может даже вызвать «речевой испуг» слушателя – во всяком случае, агрессия тут наблюдается нешуточная). Мы видим, что и здесь та же речевая стратегия – выбрана такая защита, которая одновременно является угрозой.

Лексическая сторона представлена специфическим образом – как правило, это набор идиом-канцеляризмов и так называемых варваризмов с преобладанием тюремной лексики, причем в пассиве – «меня кинули», «меня подставили», «меня используют» или, наоборот, «ну, давай, удиви меня»; с одной стороны, это эквивалентно известному жесту из двух пальцев, который выражает угрозу, что-то вроде невербального «моргалы выколю», и с другой – нельзя оставить без внимания тот факт, что сам субъект в своей речи представлен по большей части в пассивной форме. Здесь снова возникает проблема «одновременно-попеременной» активности/пассивности¹¹. Субъект-самозванец же, становясь в пассив, логически делается предикатом (мегапредикатом) чего-то большего.

Семантика пассивного залога заключена даже в самом словосочетании-штампе «успешный менеджер». Прилагательное «успешный» может быть отнесено к результатам труда, процессу, деятельности, но не к персоне. Норма для делового языка – «успешный проект», «успешные переговоры». «Успешный менеджер» как продукт некой деятельности – такой же метонимический оксюморон, как «элитные специалисты». Или – что даже вернее – самообман. «Успешный менеджер» уверен, что он *self-made*, автодидакт, что он *сам*. А слово с этим спорит, показывая изнанку «успешности» и представляя этого человека продуктом чьих-то манипуляций – хотя бы и положительных. Если есть «результатив», то где-то должен быть «каузатив». Каузатив в этом случае – навязывание в качестве привлекательных характеристик того,

¹¹ Ср. момент активного залога, почти без пассива, в идиоматическом выражении «NN отдыхает» («Ты сегодня такая красотка – просто кукла! Анджелина Джоли отдыхает!»). Но и здесь не без каверзы – пока эта неживая «кукла» дефилирует в новом наряде, «вся такая», живая Анджелина Джоли поставлена куклой в сторонку – «отдыхает». Или – «нервно курит в коридоре», тоже показательная идиома – актив волей речевого субъекта превращен в пассив.

что называется «успешный», «амбициозный», «креативный». Мы привыкли к этим словам, не понимая, что перед нами обманки, выдающие пассивное за активное. Это подмена не грамматического, а «гносеологического» залога, приуготовливающая почву для дальнейших манипуляций сознанием субъекта и изменяющая способность к познанию, как если бы мозг был одурманен действием наркотических веществ.

Особенный интерес вызывает гипертрофированное употребление прилагательного «реальный» - «это было реально круто», «это реальный футбол», «NN реально поможет», «это реальная подстава», «NN реальный айтишник». Апелляция к реальности (не к действительности) должна вызывать в сознании слушателя образ настоящего «настоящего» (еще одна похожая характеристика наречие «не по-детски»), сурового, жесткого, мужского мира, в отличие от мягких условий нынешней жизни. (Действительность – вот она, с трудностями, но их можно пережить, а вот ты попробуй в реальности... Так «действительность» оказывается противопоставлена в чем-то метафизической «реальности», которой перед нами нет, но которой надо бояться.)

Еще один характерный показатель речи – избыточное употребление указательного местоимения при построении предложений. Даже в научных статьях можно наблюдать, что рисунок придаточных изъяснительных жирно обведен указательным местоимением «то»: «Необходимо пояснить то, что...», «Я хочу сказать то, что» вместо обычного: «Я хочу сказать, что». В этом «то» - момент удержания речи – и удержания внимания к ней собеседника. Это риторический эквивалент коммуникативного непрестанно вопрошающего «да?», который разрывает предложение в любом месте (еще одна разновидность партиципации) и без которого сейчас уже практически не бывает диалогов. Субъект отчаянно не уверен, что его будут слушать, и держит за пуговицу слушателя непрерывным вопросом посреди повествования, словно желая найти подтверждение каждому приводимому им словосочетанию. Он в глубине души осознает, что слушатель, который на самом деле смотрит его (в этом он не слушатель, а смотритель, слушать ему не обязательно) как телевизор в кафе, одним нажатием кнопки может переключить его в пассив, и заранее трепещет и принимает меры.

Границы предложения меняются – их становится все сложнее увидеть.

Неумение и нежелание выстроить законченное сложноподчиненное предложение говорит совсем не о том, что субъект так уверен в себе, что ему и не надо достраивать это предложение – «кто понял, тот понял» – а о том, что в случае неудачной интерпретации более сильными и, с его точки зрения, обладающими

большей властью субъектами, ему придется нести ответственность за свои слова. Самый красноречивый пример – заключение рассказа-анализа о событии фразой: «... .., то есть как бы вот». Фундамент прекрасного здания, глубокий и прочный, должен был быть обоснован возведением стен (зачем возводить фундамент? чтобы строить прекрасное здание) и завершиться, как положено, крышей-аргументом, а тут нам предлагается на фундаменте возвести фундамент же, да еще и призрачный («то есть как бы вот»)¹².

Так при анализе указанных речевых особенностей становится ясно, что носитель их уязвим, он болезненно ощущает свою уязвимость, вынужден постоянно обороняться, недоверчиво относится к окружающим, и это проявляется в его типе речи. Казалось бы – где здесь сила, делающая этот тип речи привлекательным для самозванства? Силу дает имя, а его нет. Это дает основание говорить о «лжесамозванстве». Речевой самозванец, таким образом, из субъекта превращается в объект-предикат, он уже не в состоянии по собственному усмотрению выстраивать свои отношения с окружающим миром, и конец его, как правило, печален. Осознав, после долгих поисков и неудач, что он оказался пешкой в чужой игре, то есть, говоря словами самозванца, «его использовали» или «подставили», он начинает поиски «мегаврага», которые, впрочем, вскоре кончатся полным провалом и разочарованием – тем более, что у него, как правило, «нет слов» и он «в шоке», а значит, не способен осуществлять познание самостоятельно. Воссоздавая и анализируя языковую личность, «мы приходим к возможности говорить о психологической инженерии (не об инженерной психологии, а, по аналогии с геной инженерией, - о психологической инженерии, психологическом конструировании, в котором языковому компоненту должна принадлежать заметная роль)»¹³.

Некоторым подтверждением того, что самозванец лишен самостоятельности познания и представляет собой чей-то (но чей?) предикат, может служить фраза ключевого персонажа «Философии одного переулка» А.М. Пятигорского. Герой этой

¹² Ср. у Плотина в трактате «О прекрасном» (I, б): «Каким образом зодчий, сопоставив внешний вид здания с его внутренним эйдосом, говорит, что оно прекрасно? Не потому ли, что внешний вид здания, если удалить камки, и есть его внутренний эйдос, разделенный внешней косной материей, эйдос неделимый, хотя и проявляющийся во многих зданиях. Итак, когда ощущение видит в телах эйдос, связующий и преодолевающий противную ему, лишённую формы материю, оно собирает вместе рассеянное по частям, возносит к себе и вводит внутрь уже нераздельно».

¹³ Язык и личность: сб. науч. ст. / под ред. Ю.Н.Караулова. М., 1989. Вступ. ст. Ю.Н. Караулова. С. 4-5.

московской повести, Ника Ардатовский, нигде не назван самозванцем, однако, безусловно, является им морфологически: «У Ники слишком велика способность к незаинтересованной имитации жизни. Я не шучу, ведь все происходящее не только страшно, но и забавно. Пройдет года два, и он превратится в своего человека. А страшнее этого ничего и быть не может». Так говорит в 1930-е годы о двенадцатилетнем мальчике его дедушка, принявший решение отправить внука за границу под чужим именем в костюме иностранца (явная маска: толстый джемпер, шапочка с помпоном, перед этим таинственный конспиративный путь на Белорусский вокзал – прямо-таки всплеск бурлеска и шпионский роман), лишь бы избежать в судьбе Ники того, что можно назвать «предикатом “системы”».

Самозванство и предательство связаны¹⁴. Причем речевая маска, где, казалось бы, налицо «этическое повреждение» - манипуляция – предательства не предполагает. Речевой же самозванец, притом, что он, в общем-то, считает себя честным и порядочным, предает свое лицо, и в этом смысл того момента активного залога, который он в себе несет. Он действует – действителен – только в этом. «Предающий – предает, передает от себя лицо, с которым по истинному смыслу ценностей должен был бы находиться в тесной нравственной и личной связи, и тем самым разрывает ее, а это разрушает его самого... оказывается вне правды, вне собственного онтологического центра. Предательство как бы создает в центре личности “черную дыру”, в которую утекает ее нравственно-ориентированное и ценностно-онтологическое содержание»¹⁵. Этим и опасно речевое самозванство.

¹⁴ Сошлюсь еще раз на прошлогодний декабрьский выпуск Vox'a.

¹⁵ *Свешников В., прот.* Очерки христианской этики. М., 2010. С. 126.